

### **Каприс для Кати.**

- Катя, вставай! Катюша, ты меня слышишь?! Уже почти семь часов!

За окном стояла непроглядная темень, и слышно было, как в стекло стучатся крошечные снежинки. Они легонько касались стекла, отталкивались и падали вниз. Снег в городе был помехой. Падая на землю, он мгновенно таял, теряя свою безупречную геометрическую красоту, и превращался в холодную скользкую кашу.

Девочка спрятала голову под подушку, но мамин голос проникал и туда.

- Катя! Ты опоздаешь на автобус!

Нет, не опоздает! Потому что мама позаботится о том, чтобы она точно уж не опоздала. А так не хочется вылезать из теплой постели!

- Ну ма-ам... Можно я не поеду?

- Нет, не можно! - мама отдернула одеяло, кожа тут же покрылась пупырышками, - вставай!

Когда мама вышла из комнаты, девочка тут же обратно натянула одеяло, сделав норку, и поджала ноги, чтобы согреться. Это просто издевательство, тратить выходной на какую-то там патриотическую экскурсию. Она бы может и не поехала, если бы класснуха не обзвонила всех родителей. Мама, конечно, обрадовалась. Она вообще всегда была за то, чтобы Катя узнала что-то новое. А этой поездке обрадовалась вдвойне. Оказалось, что мама, будучи студенткой второго курса, тоже была в Истре на экскурсии, и ей там очень понравилось. То есть, возможности избежать поездки вообще не было. Теперь вставай ни свет ни заря, в автобусе трясись, потому что у мамы ностальгия...

Предупреждая очередное мамино нападение, она кое-как села на кровати, передернулась. Волосы на длинной стороне головы замялись и торчали в разные стороны. Сбрить один бок было классной идеей, но теперь, чтобы прилично выглядеть, нужно было укладывать волосы каждый день. Пригладив вихры, она дотянулась до махрового халата, всунула руки в рукава и запахнула его на груди.

- Катя, ты встала? - донеслось из кухни вместе с запахом овсяной каши.

- Да встала я, встала... - буркнула девочка, и поплелась в ванную.

Теплый душ, как ни странно, взбудрил. Она высушила волосы, уложив пряди аккуратной волной. Хотела накрасить глаза, но, подумав, отложила косметичку. Красоваться там будет не перед кем, одиннадцатые классы (счастливики!) не едут.

Мама хлопотала на кухне. Катя села на высокий табурет у стола и посмотрела на нее. Странно, что мама, которая вставала затемно, выглядела так, будто давно уже выпалась. Она бодро сновала между плитой и столом, успевая помешать, нарезать, поставить перед Катей тарелку. Есть совсем не хотелось, но у мамы было правило пяти ложек. Эта традиция появилась, когда Катя была совсем маленькой, и маме приходилось уговаривать ее покушать. Тогда мама сказала - съешь столько, сколько тебе лет! Маленькая Катя посчитала на пальцах - пять. Пять это немного, решила она, и начала есть. Но каша оказалась такой вкусной, что она не заметила, как ложка скребнула по дну тарелки. Тогда мама похвалила дочку и дала конфету. А когда капризы за столом повторились, мама опять предложила съесть пять ложек. Так и повелось...

Покончив с завтраком, девочка соскользнула с табурета, подошла к маме, обняла.

- Спасибо...

- На здоровье, - мама чмокнула Катю в лоб. Раньше она целовала в макушку, но, за последние несколько месяцев дочка заметно выросла, и теперь мама дотягивалась только до лба, - я там тебе термос и бутерброд приготовила, возьми обязательно!

Отвернувшись, Катя сморщилась - еще не хватало с бутербродом в сумке ходить, чтобы от нее за полтора километра пахло колбасой. Все уличные собаки сбегутся... Она взяла любимую сумку-торбу, бросила туда телефон и шоколадный батончик, порылась в школьной сумке, нашла пару купюр и мелочь, и ссыпала туда же.

Надо будет потом мелочь в карман переложить, уж больно громко она звенит. Надела ботинки, затянула шнурки.

- Катя, бутерброд! - мама вышла в прихожую, в одной руке она держала маленький ланч-бокс, в другой термос. Катя вздохнула, посмотрела на маму укоризненно, но еду взяла и кинула внутрь сумки. Термос ударился об мелочь.

- Катюша, надень белую курточку, - попросила мама, - она тебе очень идет!

- Ну, ма-ам! Белая не подходит к ботинкам!

Действительно, к белой куртке мама купила Кате замечательные сапожки. С берцеподобными ботинками белая куртка ну никак не вязалась. Катя натянула черный пуховик, шапочку с кошачьими ушками, которая, конечно, совсем не подходила ни к ботинкам, ни к куртке, но была ее любимой.

- Ну чистый почтальон, - мама покачала головой. - Проведи время с удовольствием, - напутствовала она, - и узнай что-то новое.

Автобус стоял у школы. Почти все были на месте, ждали опаздывающих. Катя впрыгнула в салон автобуса, и носом к носу столкнулась с Анной Павловной, или, как звали ее ученики Аннапална, преподавателем истории.

- Котова, что за привычка опаздывать? - вместо приветствия произнесла историчка. Вообще-то она была мировая тетка, предмет свой знала и любила. Но сегодня, наверно, Аннапална тоже не выспалась, поэтому была не в духе. Она всегда, когда сердилась, называла учеников по фамилии.

- Доброе утро, Анна Павловна, - сказала Катя, и проскользнула мимо недовольной учительницы вглубь салона. Оттуда ей уже махала рукой Яна, подруга и одноклассница.

Дорога была долгой. Автобус ехал медленно, за окнами постепенно светлело. Так вот зачем нужно было вставать в такую рань - чтобы ехать черепашьям шагом! Катя выглянула в проход между сидениями - кто-то дремал, кто-то развлекал себя телефоном.

Яна сначала пыталась говорить, но потом привалилась лбом к стеклу и уснула. Счастливая! Катя так не могла. Даже когда они ездили всей семьей на машине в Крым, она не спала на заднем сидении, а говорила и говорила. Папа тогда пошутил, что надо было ее посадить вместо мамы, которая клевала носом на переднем пассажирском сидении.

За окном все чаще появлялись какие-то селения, маленькие дома, засыпанные снегом, пара-тройка придорожных кафе, синие указатели со стрелками. Катя поняла, что они скоро приедут. Анна Павловна прошла по проходу, и раздала всем оранжево-черные полосатые ленты. К ленте была прикреплена маленькая булавка. Анна Павловна показывала, как свернуть ленту красивой петлей и прикрепить к одежде, но Катя не стала возиться и привязала ленточку к сумке. Яна, стянула шапку и привязала ленточку к помпону, завязав бантиком. Надев шапку, она потрясла головой и засмеялась.

- Как дурочка, - Катя хихикнула, глядя, как дурачится подруга.

Автобус остановился.

- Так, дети! Выходим! Аккуратно, не толкаем друг друга! Не забывайте свои вещи!

- суетилась Аннапална. Все разом поднялись, закопошились, зашумели, и, конечно же, в проходе образовалась пробка. Мальчишки толкались и смеялись. Катю пару раз пихнули, после чего она ощутимым тычком протолкнула мальчишек вперед и вышла из автобуса. Было не холодно, но пасмурное утро навевало тоску. Эх, как бы хорошо сейчас валяться в кровати, поспать часиков до одиннадцати... Всё это были мечты. Реальность вот она - серая, ветренная, посыпаемая редким снежком. К ним подошла женщина средних лет, невзрачная и незапоминаемая, как всё вокруг. Единственное, на что обратила внимание Катя, была здоровенная круглая коричневая родинка на щеке. Женщина представилась экскурсоводом. Катя осмотрелась - они остановились возле какой-то церкви или монастыря.

В таких местах было мало чего интересного. Сейчас "родинка" начнет заунывно рассказывать про старину, водить их вокруг этих старых стен... Скучно...

Группа двинулась к зданию. Яна прицепилась к правой руке. Катя не очень любила ходить "под ручку", но от подружки терпела.

- Катък, ну что у вас там с Царём? - спросила Яна загадочным шепотом.

Катя порозовела. Андрей Царёв, или, как его называли в школе и в компании - Царь, учился в одиннадцатом классе, занимался плаванием, был даже мастером спорта, паркурщиком, и очень, очень ей нравился. Ради того, чтобы чаще встречаться, она тоже занялась паркуром, и, неожиданно для себя, втянулась. Это Царь дал ей прозвище Кошка, не только из-за фамилии, а потому что она ловко прыгала и мягко приземлялась. Раньше в школе он совсем не обращал на нее внимания, но недавно... Недавно когда они стояли на перемене у кабинета, он при всех подошел к ней, заправил длинную прядь за ухо и спросил, придет ли она в воскресенье на городские соревнования по плаванию. "Мне нужны болельщики" сказал Царь и неотразимо улыбнулся. От этой улыбки Кате стало так хорошо, что даже когда он отошел, она еще некоторое время стояла, прижавшись к стене и сохраняя это благодатное чувство. И, конечно, она ходила на соревнования, кричала и болела больше всех. А потом он пошел ее провожать, неизвестно как отвязавшись от приятелей. Оказалось, что живет он всего в двух домах от нее. С одной стороны это было здорово - ее грела мысль, что объект ее мыслей совсем рядом, а с другой не очень, потому

что до ее дома они дошли за пять минут. У подъезда было много народу. Туда-сюда сновали люди, толклись какие-то бабки, играли дети.

- Ну пока, - Царь улыбнулся.

- Пока, - в горле пересохло, и, прежде чем ответить, она пару раз судорожно глотнула.

Молодой человек наклонился и коснулся ее лица губами. Губы его были сухие, чуть обветренные и теплые.

Пока она ехала в лифте, ей казалось, что на щеке, как клеймо, горит этот поцелуй. Дома она быстро разделась, убежала в комнату и упала на кровать. Мама хоть и удивилась дочкиной странной молчаливости, но спрашивать не стала. Ну и хорошо. Мама всегда была понятлива, за это Катя ее любила еще больше.

Яна была не так деликатна. Ей хотелось подробностей, и она трясла подругу как грушу, чтобы вытащить из нее информацию. Когда Катя рассказала последние новости, она запищала и запрыгала на ходу.

- Котова! Голышева! Ну-ка успокойтесь! - шикнула на них Аннапална, - вы всем мешаете!

Действительно, экскурсия уже началась. "Родинка" что-то рассказывала тонким писклявым голосом, но слышно ее было плохо, звук рассеивался на воздухе. Катя подобралась поближе. Яна наконец-то отцепилась от ее рукава, приподнялась на носочках - она была невысокого роста - а потом и вовсе нырнула между одноклассниками, чтобы быть поближе к экскурсоводу.

- Воскресенский собор по сути своей является центральной фигурой в архитектурном ансамбле Ново-Иерусалимского монастыря. Его строительство началось в одна тысяча шестьсот пятьдесят восьмом году - через два года после основания монастыря. Оба этих события произошли по инициативе Святейшего Патриарха Никона. В одна тысяча шестьсот шестьдесят шестом году Никон был отправлен в ссылку и строительство собора Воскресения Христова было приостановлено, - вещала экскурсовод.

Бла-бла-бла... Тоска... Почему она так глупо говорит "одна тысяча..."? И так понятно, что одна тысяча, а не две. Сказала бы нормально - в тысяча шестьдесят... каком там? Уже забыла...

Катя потопталась вокруг себя, оглядываясь. Монастырь и правда был большой.

Летом, наверно, тут хорошо, много зелени, но сейчас было уныло. Огромное здание, белое, местами с потресканной штукатуркой. И много-много каких-то мелких строений. Вон ворона летит, каркает. Здоровенная такая...

- Котова, - историчка подобралась к ней незаметно. И Катя вздрогнула от неожиданности, - во вторник я тебя спрошу обо всем, что тут рассказывают, - предупредила она и хищно прищурилась.

"Вот привязалась", - подумала Катя досадливо.

- Во время отступления немцы взорвали Ново-Иерусалимский монастырь, впрочем, как и весь город. Целым остался единственный дом, в котором жила семья Титовых. Он стоял недалеко от монастыря, на улице Советской, а рядом с ним располагалось двухэтажное кирпичное здание, которое до революции было гостиницей при монастыре, а после ....

Скучно. Невыносимо скучно. Стараясь быть незамеченной, Катя начала отходить от группы. Все зачем-то пошли по высокой лестнице вверх, а она, задержавшись, двинулась вдоль стен. Зачем она туда пошла, отбившись от группы, Катя и сама толком не понимала. Тем более, что она никогда не испытывала особого интереса к старинным строениям. Она неторопливо шла вдоль каменных стен, похожих на крепостные, и думала, что тогда, в старые времена, в монастыре, наверное, можно было неплохо отсидеться в случае нападения врагов. У одной из стен стояли строительные леса, церковь ремонтировали.

Катя потерла замерзшие руки, пошарила в карманах, достала и надела перчатки. Пора было возвращаться, погуляла и хватит. Все же она решила не идти назад, а обогнуть здание кругом и выйти с другой стороны. Она шла и шла по узкой протоптанной дорожке, казалось, это не кончится никогда. Внезапно что-то грохнуло так, что заложило уши и посыпалась кирпичная крошка. Катя испугалась и скорчилась у стены, зажав руками уши. Запахло дымом.

Подождав немного, она опасливо отклеилась от стены и посмотрела вверх - сверху угрозы кажется не было. Она прижала ладонь к груди, под курткой бешено колотилось сердце. "Упало что-то наверно, - рассуждала она сама с собой, - вот как сейчас треснет кирпичом по башке и куку, Катька, привет на том свете". Стало страшновато. Девочка

чуть отошла от стены и прибавила шаг. Она с облегчением выдохнула, когда вышла на открытую площадку у здания монастыря. У ступеней никого не было. "Что там можно так долго смотреть..." Катя вбежала по ступеням и с усилием потянула тугую дверь. В храме было темно, не считая горящих свечей, и холодно. Ни экскурсовода и одноклассников в этом темном помещении не было. Она выбежала на улицу, и быстрым шагом направилась к автобусу. Но автобуса и след простыл. Мало того, следов автобуса вообще не было, скорее всего, их засыпал усилившийся снег. Значит они уехали достаточно давно.

Растерявшись, девочка потопталась на месте, размышляя. Как так-то?! Ее забыли! Уехали и даже не пересчитали, все ли на месте! Негодуя, она поправила сумку и пошла по заснеженной тропе в сторону города, злясь на всех. На маму, которая заставила ехать, на учительницу, на Янку, которая даже не вспомнила о ней. Но больше всех она досадовала на саму себя. Пройдя пару сотен метров Катя вдруг вспомнила про телефон. Можно же позвонить! Она радостно выхватила из сумки телефон, набрала номер. Но, телефон молчал. Связи не было. Ну конечно, в этом городишке еще и связь не работает. Досадливо засунув гаджет в задний карман брюк, Катя двинулась дальше.

Она все шла и шла, отыскивая глазами следы цивилизации - многоэтажки, магазины, кафе. Ну, хотя бы автобусные остановки. Но ничего этого не было. И вообще, Истра, мнившая себя городом, очень смахивала на деревню.

И ни одного человека, как-будто вымерли все. Только редкие собаки пробежали мимо, да и те не лаяли, торопясь по своим делам.

Услышав неподалеку голоса, Катя обрадовалась. Наконец-то она спросит дорогу. Из-за угла появились двое мужчин в форме немецких солдат, наверно участники исторической реконструкции, о котором захлеб рассказывала историчка, и ради которой она притащилась сюда. Она уже хотела окликнуть их, но тут услышала тихий свист. Оглянувшись, Катя заметила в воротах одного из домов движение. Она не рассмотрела, кто там, но, кажется, ей махали рукой. Ну ладно, ей все равно, у кого спрашивать путь до мемориала. Она подошла к воротам, из которых ей сигналили, ворота приоткрылись ровно настолько, чтобы она могла в них пройти, оттуда высунулась рука, и Катю втащили внутрь.

Она даже не успела испугаться, поэтому отбиваться не стала. А когда до нее дошло, что произошло, рука уже отпустила ее. Катя развернулась к нечаянному похитителю в готовности драться, но он не собирался нападать. Наоборот, он повернулся

к ней спиной и смотрел в щель забора. Это был мужчина. Ну, то есть он выглядел как мужчина - в широких потертых брюках, ватной телогрейке и шапке-ушанке из неизвестного лохматого, но изрядно полинявшего зверя. Рукав телогрейки был порван на плече и оттуда торчала грязная вата. Бомж что ли? Стало страшно.

- Эй, - Катя настороженно окликнула мужчину, - чего тебе надо?

Мужчина обернулся, и Катя увидела, что это не мужчина, а мальчишка. Ну, не совсем мальчишка, а парень. Из-под старой шапки на нее смотрели сердитые стального цвета глаза.

- Тебе что, жить надоело? - вопросом на вопрос ответил парень.

- В каком смысле?! - Катя растерялась.

- В таком, - парень говорил почти шепотом, - сейчас бы эти тебя кокнули и всё.

- Да что ты несешь, - хихикнула Катя, - с чего бы им меня кокать?

- Смейся, смейся, - буркнул парень и снова приник к щели.

Кате стало любопытно. Она подошла к забору и нашла в нем дырку от выпавшего сучка. Двое в форме шли по улице и громко смеялись. И совершенно не собирались никого кокать. Вот из одного двора выскочила дворняга и принялась остервенело лаять на проходящих. Она напрыгивала и отступала, захлебываясь звонким лаем. Катя хотела отпихнуть мальчишку и выйти из двора, куда ее так невежливо затащили, как вдруг один из мужчин вскинул автомат, который до этого висел у него на груди, и выстрелил очередью. Катя прижалась глазом в отверстие и обмерла - раненое животное конвульсивно дергалось на обочине, красная кровь разливалась вокруг подбитого тела. Проходя мимо, мужчина не глядя выстрелил еще раз, и собака замолчала.

Потеряв дар речи, Катя уставилась на мальчишку, а мальчишка смотрел на нее.

- Что это было? - произнесла она дрожащими губами.

- Немцы, - пожав плечами ответил парень, - как-будто не знаешь.

- Какие немцы?...

Она не понимала, о чем он говорит, но увиденное испугало и озадачило ее. Она ни разу не видела, чтобы человек так хладнокровно убивал животных. И ей стало страшно.



- Тебя что, контузило? - вдруг спросил парень, - взрыв недавно был. То-то я смотрю, стоишь как блаженный, фашисты идут, а он им ручкой машет...

Катя смотрела на парня и пыталась собрать в кучу разбежавшиеся мысли. Какие фашисты, какой взрыв?... Она бы и дальше стояла столбом, если бы парень не взял ее за локоть и не затащил в дом.

В доме было холодно, бедно и пусто. Маленькая кухня с печкой, и еще одна комната, в которой стоял старый диван и железная панцирная кровать с высокими спинками. На кровати сидел тощий серый кот.

- Не разувайся, - бросил Кате парень, - проходи в комнату.

Катя растерянно прошла и присела на коричневый стул.

- Чай будешь? - парень выглянул из-за печки. Катя кивнула.

Он принес два стакана с желтой дымящейся жидкостью, один поставил перед Катей.

- Пей.

Она отпила и поморщилась, было несладко и пахло какой-то травой.

- А сахар есть?

Теперь была очередь незнакомца удивляться.

- Сахар?!

Катя подняла глаза - он смотрел на нее как на сумасшедшую.

- Ну сахар, сахар, да. Белый такой.

- Ты странный какой-то, - парень покрутил у виска, - и выглядишь странно, - добавил он.

Он с прищуром осматривал Катю, а ей вдруг захотелось спрятаться от его пытливых глаз.

- Слушай, а может ты шпион?

- Какой шпион? - ошарашенно спросила Катя. Она уже устала удивляться.

- Известно какой, фашистский.

- Ты дурак что ли? - Катя посмотрела на мальчишку не менее пристально.

- Хорошо, - кивнул он, - тогда говори, где живешь?

- В Москве, - ответила девочка.

Парень присвистнул.

- В Москвеее... А у нас как оказался?

- На автобусе.

- На каком еще автобусе?

- На рейсовом, блин! - Катя вдруг разозлилась, вскочила со стула. - Слушай, мне это надоело! Я в ваши игры не играю! Скажи мне, как обратиться до мемориала Славы, и я пойду.

- До чего?!

- Слыш, - она "включила" крутую девчонку, - ты сам не местный что ли? Сегодня у вас тут день освобождения города от немцев, историческая реконструкция, а ты как с печи упал.

Парень смотрел на нее оторопело. Катя двинулась к выходу, собираясь уйти, и, неожиданно глаза наткнулись на отрывной календарь, висящий на стене. Катя подошла, посмотрела.

- Это что за раритет? - она полистала странички, - ты тоже что ли в представлении участвуешь?

- В каком представлении?

- Так! - она выставила вперед ладонь, - хорош мне голову морочить! Какое сегодня число?!

- Девятое декабря...

- Нууу...

- Сорок первого года...

- Какого года? - у Кати пересохло в горле и она, схватив стакан с остывшим чаем, отпила глоток.

- Сорок первого... - голос незнакомца был не менее удивленным, но говорил он вполне уверенно.

Кате показалось, что у нее заложило уши и защипало глаза. Она подняла руки, чтобы потереть их, и рухнула на пол.

Очнувшись, она почувствовала у себя под головой теплые колени. Мальчишка испуганно заглядывал ей в лицо.

- Фух, испугался, - засмеялся он, когда Катя завожилась и попыталась встать. - Лежи, а то опять сбрыкаешь.

- Ты - девчонка, - добавил он чуть погодя, и Катя услышала, что он улыбается. - А я думал парень. Одета как парень. Тебя как зовут?

- Катя, - ответила она, - а тебя?

- Меня Миша. Михаил Новик.

- Катя Котова.

- Ну, понятно. Ты, наверно, от голода упала, такое часто бывает. Есть хочешь?

Катя отрицательно мотнула головой, меньше всего сейчас она хотела есть. Она все-таки собрала все силы и села на полу. Миша пристроился рядом на корточках.

- Миша, ты не шутил? Какой год ты сказал?

- Да какие шутки! Сорок первый. А что?

- Я, наверно, сошла с ума. Или сплю. Или сошла с ума и уснула. Этого быть не может!

- Да что не так-то? - Миша недоуменно посмотрел на нее.

- Да то, что сейчас две тысячи шестнадцатый!

- Какой-какой?

- Две. Тысячи. Шестнадцатый!

- Ты точно с ума сошла, - засмеялся Миша.

- Нет, погоди! - она затрясла головой, вспоминая. - Мы подъехали к монастырю... все пошли в собор, а я... Слушай! Это кошмар просто! Этого быть не может! Это как в фильме "Мы из будущего"! Там черные копатели... Ну неважно, в общем они в будущее попадают во время войны, понимаешь?! И я так же! О, боже... О, боже...

Она металась по комнате, а Миша смотрел на нее, явно не улавливая нить разговора.

- О, боже! О, боже...

- Ты верующая что ли? - он уже почти опасно смотрел на Катю, очевидно, уловив из всего речевого потока только слово "боже", - точно, блаженная какая-то.

- Ты не понимаешь! - Катя схватила Мишу за руку, - я попала в прошлое! Я живу в две тысячи шестнадцатом!

Он осторожно отцепил ее пальцы от своего рукава.

- Этого быть не может!

- А я о чем?! - она опять заметалась, - быть не может, но случилось! Только за что это мне? В фильме, там они в могилах солдат рылись, а я ничего такого...

- Ты про какой фильм твердишь? Какие могилы?

- Ой, да ты не поймешь! Слушай! Мне надо в монастырь вернуться, там ворота назад!

- Какие ворота?

- Ну проход, где я в вашем времени оказалась! Я там шла-шла, а вышла тут!

Миша помотал головой.

- Нельзя в монастырь! Там немцы кругом.

- Миша! - Катя схватила парня за телогрейку, - пойми, если я туда не попаду, я навсегда останусь в этом времени! А там мама... И папа... И...

Катя вдруг заплакала, уткнувшись парню в грудь. Не ожидавший такого, он сначала было отшатнулся, но потом осторожно сомкнул руки у нее за спиной.

- Ну, не реви, не реви, - нарочито грубо проговорил он, похлопывая ладонью между лопаток, - надо, значит надо. Пойдем.

Они вышли из дома. Миша привычно осмотрел улицу в щель в заборе и махнул рукой - можно! Он придержал тяжелые ворота, и выпустил Катю.

- Ты дом закрывать не будешь? - шепотом спросила девочка.

- Я закрыл, - ответил он ей так же.

- А на ключ?

Миша усмехнулся.

- От кого? Немцы захотят зайти, так и в закрытый дом зайдут. А свои не полезут. Сейчас все прячутся, не до этого. Да у нас и брать-то нечего.

- А ты с кем живешь?

- С теткой, отцовой сестрой.

- А где она?

- Она в подвале прячется.

- А ты почему дома?

- Не хочу в подвале сидеть.

- Ммм, понятно... - ответила Катя, хотя ей было совсем непонятно.

Ребята шли по краю улицы, постоянно оглядываясь на каждый шорох. Постепенно Катя начала узнавать места, где она уже проходила.

Пару раз им навстречу попадались немцы, сначала двое на мотоцикле, и тогда Миша столкнул ее в обочину, и упал сверху сам, завалив обоих снегом. Второй раз они заметили машину с солдатами. Немцы вели себя деловито, перекрикивались хриплыми голосами, и было видно, что они торопятся.

Миша протащил Катю через кусты, и они вышли на какую-то тропу вдали от дороги. Тут можно было отряхнуться от снега и передохнуть.

- Миша, а где твои родители?

- Отец на войне, а мамка умерла давно, я еще маленький был. Мы с тетей Машей жили, отцовой сестрой.

- Ты в школе учился?

- Учился, - кивнул он, - восьмилетку закончил. А потом с отцом на фабрике работал.

- А лет тебе сколько?

- Шестнадцать. А тебе?

- Мне пятнадцать будет скоро.

Катя посмотрела на парня и вдруг подумала, как он отличается от парней в ее времени. Даже лицо его было другое - строгое, серьезное. И сам он такой... Сосредоточенный. Как взрослый.

Потрепанная одежда, очевидно, грела плохо. Миша потирал красные руки и всё пытался натянуть на них рукава. Катя решительно стянула перчатки.

- На вот, надевай!

- Вот еще! Надевай сама!

Катя взяла его за руку и хотела надеть, но Миша выдернул кисть и легонько оттолкнул Катю.

- Я тебе девчонка что ли, девчоночьи вещи носить?

- Ах так, ну ладно! Сейчас я тебе покажу девчонку!

Она начала подбираться к нему, кружила, кружила, вспоминая, как показывал тренер, потом резко схватила за предплечье, и, поставив ноги устойчиво, перекинула парня через себя, довершив прием несильным ударом в грудь. Миша не торопился вставать, удивленно разглядывая Катю.

- Ну ты даешь! - восхищенно протянул он, - где так научилась?

- Да я с восьми лет рукопашкой занимаюсь, меня папа в секцию отдал. Говорит, нынешней женщине не помешает немножко самообороны. Ну что, наденешь перчатки или еще раз? - она улыбалась.

Миша смущенно поежился и протянул руку за перчатками.

- Давай, - согласился он. - Научишь меня?

- Научу, - кивнула Катя.

Они двинулись дальше. Катя засунула руки в рукава куртки и сделала подобие муфты. Мембранная куртка грела отлично, и она радовалась, что не надела белую. Та была красивая, но не такая практичная. Хотя, кто ж знал, что ей придется преодолевать расстояния с мальчиком из прошлого.

Монастырский комплекс показался вдали. На фоне белого снега было видно, как сновали черные фигурки. Немцы! Ребята затаились за деревьями в ожидании.

- Что это они делают? - Катя пыталась рассмотреть.

Немцы таскали ящики внутрь. И тут на нее снизошло озарение.

- Миша! Они хотят взорвать монастырь! Нам экскурсовод рассказывала! - она опять задрожала, - как же я попаду домой?!

- Да погоди ты суетиться! - Миша схватил ее за руку, притянул к себе и держал, чтобы она не шевелилась, - смотри, они уезжают!

И правда, солдаты сели в машины и поехали, оставив троих часовых.

- Со своими они взрывать не будут, - проговорил он ей в ухо, - сейчас уедут, мы попробуем подобраться.

- Но там же солдаты!

- Я другую дорогу знаю, они нас не заметят! Мы маленькими тут всё облазили, я каждый камень знаю.

Миша подождал еще немного. Часовые вели себя спокойно. Двое курили и разговаривали, третий куда-то пошел, но быстро вернулся. Миша взял Катю за руку и повел. Перебежками они преодолели часть пути, а когда здание скрыло их от солдат, торопливо двинулись к храму.

- Ну давай, показывай, где ты шла?

- Ну, вон там. Я зашла слева от собора, шла, шла, а потом что-то - бубух! Я испугалась, пошла быстрее, и вышла справа от собора. Ну и оказалась тут.

- Мдаа... У собора ходить опасно. Там даже спрятаться негде. Ну, давай попробуем.

Они крадучись пошли вдоль стены.

Катя старалась идти на том расстоянии от кирпичной стены, как она делала в первый раз.

- Слушай, а я с тобой не попаду в твой две тысячи... какой ты там говорила?

- Шестнадцатый.

- Да.

- Не знаю. Но у нас всяко лучше. По крайней мере войны нет.

- Война закончилась?

- Ага.

- А кто победил? - в голосе Миши было слышно плохо скрываемое волнение.

- Ну, а ты как думаешь? Конечно наши победили. А то бы может я и по-русски-то разговаривать не умела. Только это еще для вас долго, в сорок пятом война закончится.

У Миши вытянулось лицо.

- В сорок пятом?! А говорили за год фашистов прогоним... - по голосу было слышно, как он расстроен.

- Не, точно в сорок пятом! Наши в Берлин придут, а Гитлер сам отравится, и жену свою отравит. И вообще, они там все с собой покончат, а кто не покончит, того судить будут и казнят.

- Трус поганый! - голос Миши был полон презрения.

- Слушай, - переключился он, - а у вас правда никто не воюет?

- Нет, ну бывает, конечно, но не в России. Где-то на Западе.... Или на Востоке. Я телек не смотрю, поэтому мало знаю.



- Что такое телек?

- Ну телек, телевизор! А! Точно, у вас же нет... Телевизор это аппарат такой, по нему что хочешь можно посмотреть - кино, спортивные соревнования, музыку, концерты там всякие... Мультки для детей.

- Мультки? Что это?

- Это как фильмы, только нарисованные. Дети любят.

- Так странно у вас... - Миша говорил задумчиво, - даже не верится, что такое бывает. А что еще у вас есть интересное?

- Интересное... - Катя задумалась, чем бы его восхитить. Сейчас она поняла, что вещи, которые до сих пор восхищали ее, совсем не то, чем можно похвастать неискушенному мальчишке. Он не поймет прелести нового смартфона, крутого велика или возможности слетать за границу. И тут она вспомнила.

- Люди в космос летают, - с гордостью произнесла она, - На Луне были. Скоро на Марс полетят. А первый космонавт - Юрий Гагарин, наш, русский!

- Ничего себе! Вот бы увидеть!

- Ну, ты ведь увидишь, - она улыбнулась, обернувшись, - только тогда ты будешь уже совсем взрослым дядькой.

- Да-а... - задумчиво протянул Миша, - а еще что есть?

- Ну, еще много всего...

Они заболтались и совсем потеряли бдительность. Поэтому, когда Катя вышла из-за угла и увидела в пятидесяти метрах от себя немца, который нагло справлял малую нужду на монастырскую стену, она оторопела, взвизгнула и побежала в обратную сторону. Наткнувшись на Мишу, который не ожидал такого резкого разворота, Катя схватила его за рукав и потянула за собой, поскальзываясь и задыхаясь всхлипами от страха. Их спасло только то, что немец, наверно, долго натягивал штаны. Но вскоре они услышали за спиной крики, выстрелы, и поняли, что их будут искать.

Сердце выскакивало из груди. Теперь Миша тащил ее за руку, а она только успевала перебирать ногами. Внезапно он остановился оглядываясь, и попинал снег. У самой земли Катя увидела полукруглое оконце, забранное в кованную решетку. Стекло

было разбито, но решетка плотно прилегала к проему. Это было окно в подвал, или что-то похожее. Остатки осколков Миша несколькими ударами валенка толкнул внутрь, и они вдвоем начали дергать решетку. Кате казалось, что вот-вот их схватят. Но тут решетка поддалась, Миша толкнул Катю внутрь через образовавшийся проем, и ввалился сам, упав на земляной пол. Не прошло и полминуты, как ноги в тяжелых ботинках протопали мимо потайного окна. Не зная языка, Катя по интонации догадывалась, что немцы ругаются. Они долго не уходили, отдалялись и возвращались обратно. Катя прижалась к стене, мысленно прося высшие силы не позволить оккупантам найти их тайное убежище.

Она не умела молиться, но, от страха слова пришли на ум сами. "Господи, боженька! Пожалуйста, помоги нам, не позволяй им нас найти! Пожалуйста! Пожалуйста!" Почувствовав рядом дыхание человека, Катя окликать его не стала, боясь выдать себя. Только протянула руку и нащупала холодную кисть. Она сжала пальцы, словно единение двух рук усилит мощь ее мольбы.

Девочка не знала, сколько прошло времени и только слушала, как оглушительно колотится ее сердце. Но вот на улице стихло, и Катя позволила себе пошевелиться.

- Ушли что ли? - слышала она Мишин шепот. Голос доносился от противоположной стены. Тогда кого она держала за руку?!

Мгновенно испугавшись, Катя пискнула и отбросила от себя неизвестную руку.

- Что у тебя там? - подозрительно спросил Миша, и Катя увидела темный силуэт - он двигался к ней.

- Тут кто-то есть! - дрожащим голосом ответила Катя.

- Кто тут? Говори, а то пришибу! - Миша произнес это так сурово, что Катя даже не сомневалась, он сейчас способен на это.

Незнакомец в углу тоненько всхлипнул. Это было так неожиданно, что у Миши разжались кулаки, а Катя, спотыкаясь, двинулась в сторону голоса. Тот, кто ревет, угрозы явно не представляет. Она нащупала голову с холодными ушами и мокрым от слез лицом, узкие плечи и длинные руки. Незнакомец сидел в углу на корточках и вставать не торопился.

- Ты кто? - спросила она у человека.

- Толя, - ответил ей неожиданно нежный мальчишеский голос, - Толя Сурнин.

- А что ты тут делаешь, Толя Сурнин? - в свою очередь задал вопрос Миша.

Толя ответил не сразу. Он сопел, было понятно, что он борется со слезами.

- Я тут... Я... Они... Бабушку убили... А я... Я знаю, как спуститься в подвал. Ну вот, я и убежал...

- И сколько ты тут сидишь?

- Не знаю, - Толя всхлипнул, - кажется третий день.

- Третий день?! - Катя в ужасе вскинула руки к щекам.

В каменном ледяном подвале с земляным полом за три дня мальчишка мог заработать воспаление легких.

Она прошлась руками по фигуре мальчика. На нем было будто бы драповое пальто, ледяные руки торчали из коротких рукавов. Шапки не было. Катя стянула с головы котошапку и надела ошупью на мальчишку. Хорошо, что у нее есть капюшон на толстовке.

- Иди сюда! - она подтянула к себе мальчишку и обхватила его руками. Катя чувствовала, как дрожит измученный паренек. Ей стало его ужасно жалко.

- Ты же есть хочешь! - мысленно поблагодарив маму, она пошарила в сумке, и достала ланч-бокс. Бутерброд пах просто восхитительно, и она проглотила слюну. Но мальчишка не ел три дня, а может и больше.

- Миша, как думаешь, можно чуть-чуть света?

- Можно, только где же мы его возьмем?

Катя достала телефон и включила фонарик. Яркости фонарика хватило на то, чтобы видеть друг друга.

- Это что у тебя? - Миша восхищенно смотрел на аппарат.

- Это? Телефон.

- Телефон? С фонариком?!

Катя посветила на незнакомого парнишку. Толя оказался худым до невозможности, угловатым мальчишкой лет тринадцати. Как она и думала, одет он был совсем не по

погоде. Разломив бутерброд пополам, она протянула половину Толе, половину Мише. Миша взял свой кусок, в то время как Толя продолжал стоять, теребя завязки от шапки.

- Ну чего ты, бери, - ободряюще проговорила Катя, и мальчик неуверенно протянул руку и пошарил ею в пространстве. Толя был слеп. Она взяла холодную Толину кисть и вложила кусок ему в ладонь.

Толя начал есть, стараясь откусывать понемножку и не выглядеть слишком голодным. Не прошло и минуты, как половинка бутерброда исчезла.

- Вкусно, - первый раз за все это время улыбнулся мальчик.

- На, запей, - Катя открутила термос.

Чая хватило на всех. Сладкая горячая жидкость взбодрила и подняла настроение.

Катя подумала, что она ни разу в жизни не пила такой вкусный чай, и что мама, наверно, заварила его по какому-то особому рецепту.

- Надо отсюда выбираться, - проговорил Миша. Он ел будто нехотя, откусывая маленькими кусочками. Когда остался край шириной в два сантиметра, он всунул его Толе.

- На, доешь, не хочу больше, не выбрасывать же...

Толя поблагодарил почти шепотом и осторожно взял кусочек тонкими пальцами.

- Надо выбираться, - повторил Миша, - ясно же, что нет тут никаких твоих ворот...

- Миш, - Катя тронула друга за рукав, - вы идите, а я, наверное, останусь. Поищу...

- Что ты собралась тут искать? - Миша яростно посмотрел на нее, - только смерть свою найдешь, и все!

- Но мы еще не всё проверили...

- Они взорвут монастырь, дура, и откуда бы ты ни была, ты туда точно не вернешься!

После этих слов в холодном воздухе повисла тишина. Катя вдруг ощутила внутри себя пустоту и горечь.

- Слушай, - Миша подошел ближе, - ну прости. Но тебе правда нельзя оставаться. И потом, твои ворота ведь не настоящие, не из дерева, не из камня, их невозможно разрушить. Откуда ты знаешь, может они не исчезнут после взрыва. Потом придем снова, будем ходить тут кругами, пока тебе не надоест, а?

- Да-да, конечно, - голос девочки звучал безжизненно, хотелось плакать.

Толя внимательно слушал. Он явно не понимал, что тут происходит, но не вмешивался.

Решено было идти когда совсем стемнеет. Катя выключила телефон, заряда оставалось всего два деления и она понимала, что подзарядить аппарат у нее явно возможности не будет. Когда синева зимнего вечера сменилась чернотой ночи, они осторожно вылезли из укрытия. Миша первым высунул голову, осмотрелся, подпрыгнул, лег на живот и ужом выполз из узкого оконца. Потом, придерживая решетку, протянул руку.

- Толя, давай ты первый, - Катя взяла мальчика за руку, потянула к оконцу. И заметила, что он что-то держит в руке.

- Что там у тебя?

- Скрипка, - негромко ответил Толя.

И правда, в руке он держал кожаный футляр, старый, потрепанный.

- Ну, давай сюда свою скрипку, я подержу.

Она кое-как вытолкала мальчика наружу, он совсем обессилел и слабо дрыгал ногами, пока Миша с одной стороны тянул, а Катя с другой толкала. Следом просунула футляр, и Толя, нашарив его на снегу, крепко схватился, словно это была самая большая его ценность. Впрочем, возможно, так оно и было. Опершись руками, Катя резко подпрыгнула, повисла на краю и выползла из щели. Отряхнувшись, она встала.

- С той стороны не пойдем, - Миша махнул туда, где они уже один раз наткнулись на часовых, - давайте в обход.

Дорога в обход заняла в два раза больше времени. Кроме этого, еще приходилось придерживать Толю, который то ли от трехдневного сидения взаперти, то ли от

облегчения, совсем не мог идти, бесконечно спотыкался и падал. Однако, он ни разу не пожаловался. Наверно боялся, что ребята бросят его посреди снежной ночи.

Когда они наконец-то добрались до Мишиного дома, Катя обрадовалась. Хоть передохнуть в тепле. Потом вспомнила, что в доме чуть-чуть теплее, чем на улице и вздохнула. Ну хоть снега нет...

Ребята крадучись вошли в ворота, Миша задвинул огромный засов и впустил их в дом. Тихо тикали часы. И все-таки, в доме было теплее. Даже можно было расстегнуть куртку. Что она и сделала.

Миша задернул занавески, долго искал и нашел пару свечей. Зажег одну. Толя всё стоял у входа.

- Ну чего стоишь-то? Заходи! - Миша раздраженно прикрикнул, потом опомнился. - А, ч-ч-ерт, забыл! - он взял Толю под руку, завел в комнату, усадил на диван, скрипку положил ему на колени. Толя обхватил футляр как ребенка. Миша посмотрел на мальчика. Тот так и сидел, как его посадили, теребя в красных обветренных руках Катину шапку.

- Что-то ты, брат, совсем плохо одет. Ну-ка погоди!

Миша откинул крышку стоящего тут же сундука и достал оттуда большие черные штаны, свитер и шарф.

- Это отцово, - сказал он, - тетка бережет. Но отцу может и не пригодится... - Миша на мгновение замолчал, потом тряхнул головой, будто прогоняя мысли, - а тебе надо, а то ты, парень, точно заболеешь.

Вдвоем с Катей они помогли Толе одеться. Вид у него был забавный. Огромные, не по размеру брюки и свитер крупной вязки сделали его толстым, как ярмарочный борец. Миша порылся в вещах, нашел шерстяные носки и откуда-то притащил старые, в заплатках, валенки.

- Ну всё, теперь точно не замерзнешь, - удовлетворенно кивнул он головой.

- Спасибо, - тихо прошелестел Толя.

Они наскоро поужинали холодной картошкой, запили еле теплой водой.

- Эх, сейчас бы еще твоего чаю, - мечтательно проговорил Миша.

Толя улыбался, но было видно, что он смертельно устал.

- Давайте-ка спать, утро вечера мудренее, - распорядился хозяин дома. - Толя, ты спи на диване. Катя, ты на кровати.

- А ты?

- А я на полу, - успокоил Миша. Он притащил с печки тюфяк, такой же старый, как все в доме, бросил его на пол и лег.

Катя присела на кровать. Откуда то вынырнул кот, прыгнул на кровать, и, потоптавшись на одеяле, лег, свернувшись клубком. Свеча отражалась в его глазах и Кате казалось, что он все понимает.

- Миша...

- М-м? - сонно откликнулся Миша.

- А кота как зовут?

- Кота? - Миша немного подумал, - Пушок.

- Какой же он Пушок? - Катя хихикнула, погладив облезлый бок кота, - он же лысый почти.

- Ты бы от такой жизни тоже полысела, - ворчливо ответил Миша.

Да уж. У кота жизнь тоже была нелегкая. Решив, что раздеваться необязательно, она сняла ботинки, и, подтянув ноги к животу, моментально уснула.

Она проснулась от прикосновения и, открыв глаза, тут же увидела Мишу.

Лицо его было настороженное. Она хотела что-то спросить, но он положил ей ладонь на рот и помотал головой - молчи! Катя прислушалась - за окном творилось что-то страшное. Кричали люди, плакали дети. Она резко встала, надела ботинки. Миша подкрался к окну, отвернул угол занавески и посмотрел на улицу.

- Фашисты. Людей куда-то погнали. Уходить надо, притом срочно. Буди скрипача.

Но Толя не спал, и тут же сел, услышав слова Миши. Лицо его было испуганное. Он натянул Катину шапку и схватил футляр, как-будто был готов сорваться и бежать прямо сейчас.

- Так, не дергаемся, - голос Миши был тих и спокоен, но Катя понимала, что это спокойствие для нее и для Толи. - Сейчас они уйдут, и мы убежим. Я знаю место, где можно спрятаться.

Но переждать им не дали. Бухнула сенная дверь, и тут же распахнулась дверь в дом. В проеме показались двое в форме с автоматами наперевес.

- Валим, валим! - Миша отдернул штору и ударил по окну. Створки окна распахнулись, и он в один миг оказался снаружи.

Катя рванулась за ним и уже была почти на улице, когда услышала Толин крик. Мальчишка верещал как заяц, пойманный в силоч. Катя обернулась - один из немцев, старый, худой, схватил Толю и тащил его. Толя волочился по полу и слабо отбивался, но было тщетно.

- Ах ты урод! - Катя оттолкнулась от подоконника и полетела ногами вперед. Паркурский опыт пригодился. Сбив фашиста ударом обеих ног, она перекувырнулась через голову и вскочила. Немец упал на пол и застонал - похоже, что Катя разбила ему нос и выбила пару зубов. Он плевался кровью, ругался, но вставал, перехватывая автомат.

- Ну-ка дай! - Катя выхватила у Толи футляр, размахнулась и изо всей силы ударила немца по башке. Немец икнул, упал навзничь и больше не шевелился.

Замахиваясь футляром, скаля от страха и возбуждения зубы, Катя обернулась ко второму фашисту, который почему-то не помогал своему напарнику, а стоял столбом. Она была готова молотить его футляром до смерти, но увидела немца и замерла. Перед ней стоял мальчишка. Высокий, худой, белобрысый. Он был бы похож на Толю, если бы не форма и автомат на тощей шее, который он даже не пытался схватить.

- Только двинься, как врежу! - предупредила Катя.

Немец открыл рот и что-то сказал. Катя не поняла и снова замахнулась. Немец снова что-то произнес и чтобы его поняли, махнул рукой на окно, уходите, мол. Катя не стала дожидаться, пока он передумает, схватила Толю, который так и лежал кулем на полу, вытолкнула его в окно и выпрыгнула сама. Следом за ними серой тенью выпрыгнул Пушок. Последнее, что она увидела, это как немец махнул ей рукой. Кажется, даже подружески. Станный какой-то...



Им повезло, что по улице колонну людей уже прогнали. А то бы они выпали прямо в лапы к фашистам. Миша потащил их какими-то закоулками, и вскоре вывел к домам, которые могли бы называться многоэтажками. Наверное, это был самый центр города, раз тут стояли такие дома.

- Я думала, у вас нет таких домов, - на бегу сказала Катя. Миша бежал и смотрел на номера. Они проскочили дом номер восемь, и номер десять, и номер двенадцать. У дома номер четырнадцать Миша остановился, осмотрелся и побежал к подъезду. Катя за ним, таща за руку спотыкающегося Толю. Сзади, истошно мяукая, бежал Пушок. Катя остановилась и подхватила кота. Он тут же забрался повыше на грудь и обхватил ее лапами. Очень умный кот.

В подъезде они не пошли наверх, а наоборот, спустились вниз. Катя с удивлением увидела, что в подвале была котельная. Наверно, раньше не было центрального отопления. Миша все шел и шел, пока не наткнулся на еще одну дверь.

Дверь была железная, тугая, она со скрипом отодвинулась, и ребята проникли внутрь. Миша закрыл дверь и задвинул длинный железный прут - щеколду.

Обессиленные, они упали на пол. Помещение было совсем маленькое, скорее всего, это был чулан для хранения лопат и другого инвентаря. Под низким потолком чулана светилось небольшое окно-воздуховод.

- Толя, ты как? - Катя заглянула мальчику в лицо.

- Все хорошо, - ответил он и пожал ее руку в знак благодарности. - Спасибо тебе, - прошептал он.

Катя потрепала его по плечу и вдруг, краем глаза заметила шевеление в углу. Она резко обернулась - за дверью стояли две девочки, одна постарше, лет десяти, другая совсем малышка. В подвале было темно, свет проникал только через окошко, но и при таком скудном свете Катя видела, как блестят огромные глаза старшей девочки. Она поднялась и пошла к ним. Младшая уткнулась старшей в живот.

- Не бойтесь меня, - Катя протянула вперед руку, - я вас не обижу.

Она подошла к ним и присела на корточки.

- Смотри, - тронула она младшую за руку, - кто у меня есть!

Любопытная малышка отлепилась от живота старшей и посмотрела на Катю. Катя отцепила от себя кота.

- Смотри, это Пушок. Хочешь его погладить?

Она протянула кота девочке и та осторожно коснулась ушей кота. Пушок прижал уши, но не сопротивлялся, а покорно висел в руках Кати. Осмелев, девочка погладила кота по спине, и тот, неожиданно, замурлыкал. Девочка засмеялась.

- Ну вот видишь, ты ему нравишься, - облегченно проговорила Катя.

Пока маленькая забавлялась с котом, Катя заговорила со старшей.

- Вы кто?

Девочки были похожи, сразу видно, сестры.

- Я - Шура, - ответила старшая девочка в полголоса, - а вот она - Маруся.

- А тут как оказались?

- Немцы пришли к нам...

- Домой?

- Нет, в детский дом.

- Вы жили в детском доме?

- Да.

- И что дальше?

- Немцы пришли, велели всем собираться. Мы собрались. Воспитательница Нина Ивановна сказала, что мы пойдем на площадь. А потом, когда мы шли, она мне сказала, как немцы отвлекутся, бежать и прятаться.

- И вы сбежали?

- Да, маленький Ваня заплакал, Нина Ивановна взяла его на руки, немцы ругались. Я схватила Марусю и забежала в подъезд. А потом сюда...

- Ты большая молодец! - Катя погладила девочку по темной головке.

Она оставила девочек играть с котом. Маруся перестала хныкать, начала что-то щебетать, забываясь и переходя на громкий голос. Сестра шикала на нее, и малышка закрывала сама себе рот ладошкой.

Катя подошла к Мише, стоящему у маленького оконца. Он напряженно прислушивался. На улице бегали немцы, ездили машины, кто-то громко переговаривался и слышалась автоматная стрельба.

- Чего это они засуетились? - хмуро произнес Миша, - странно это.

Катя почувствовала прикосновение - за спиной стоял Толя.

- Дайте я послушаю, - попросил мальчик.

Миша пододвинулся, Толя встал рядом. Он долго слушал, потом лицо его просветлело.

- Наши идут!

У Кати екнуло в сердце.

- Что ты слышал? - Миша повернул Толю к себе, - откуда знаешь?

- Я по-немецки понимаю, - ответил Толя, - немцы хотят уходить!

Внезапно до Кати дошел смысл сказанного и она в ужасе распахнула глаза.

- Немцы убьют всех, кого согнали на площадь! И город взорвут! Весь!

В это время раздался оглушительный удар. Снаружи в железную дверь колотили и пытались открыть. Испуганные девочки подбежали к Кате, она обняла их, хотя сама напугалась так, что сердце отрывисто колотилось где-то в горле. Маруся снова заплакала, Шура вжимала ее лицо себе в живот, чтобы те, кто ломился с той стороны, не услышали плача. Толя прижался с другого боку, но Катя заметила, что футляр он держал в этот раз не оберегая, не закрывая своим телом, а как оружие.

Миша выступил вперед. Железная дверь вибрировала и гремела, но открываться не спешила. Толстый засов крепко держал оборону. Неизвестно зачем засов был сделан с этой стороны, но сейчас он спасал несколько жизней. Снаружи еще постучали, было похоже, что дверь открывали плечом и ногами, но, поняв тщетность, ушли. Ребята

боялись поверить в везение. Оставив Катю с девочками, Миша и Толя вернулись к окну. Они слушали, и о чем-то шепотом переговаривались.

Катя с ужасом думала о том, что назавтра города не будет. Скорее всего, и людей не будет, потому что она уже поняла, немцы не шутили. Смерть и страдания - вот что значит война. Смерть. И страдания. Страх. Разрушение. Ничего не останется. Ничего не останется...

... Дом Титовых... На Советской.

- Миша! - Катя крикнула это почти в полный голос, и Миша, испугавшись, развернулся к ней.

- Что? Что случилось?!

- Дом Титовых! На Советской!

- Каких Титовых? - он непонимающе сморщил лоб, а Катя махала руками, захлебываясь словами.

- Нам рассказывали... на экскурсии, помнишь, я тебе говорила... город будет разрушен... только один дом останется цел! Дом Титовых на Советской!

Он ее понял с полуслова.

- А номер дома помнишь?

- Номер... нет, не помню... - Катя растерянно посмотрела на друга.

- На Советской много домов, - Миша деловито почесал макушку, - вспоминай, где именно этот дом? Может что-то рядом помнишь?

- Помню! Рядом кирпичное здание, нам говорили, до революции там была монастырская гостиница.

Они дождались, когда на улице стихло. Миша пошел на разведку, велел им запереться на щеколду, но быстро вернулся, сообщив, что улица пуста. Ребята выбрались из дома. Было уже совсем темно. Пять темных фигур двигались вдоль домов, прикикая к земле каждый раз, когда замечали движение. Маруся быстро устала и Миша взял ее на руки.

Девочка обхватила его за шею и тихонько дышала в щеку. Катя подхватила Толю, а Шура несла кота. Дети не дошли до нужной им улицы пару сотен метров, как вокруг разверзся ад. Взрывы начались издалека, но все приближались и приближались. Дома рушились, уши заложило, глаза чесались от пыли и дыма.

Миша бежал вперед, прижимая к себе ребенка. Внезапно он остановился, и Катя почти врезалась в него.

- Вот Советская, - парень задыхался от бега и дыма, - где твой дом?

- Двухэтажное кирпичное здание, - повторила Катя, кляня себя, что невнимательно слушала экскурсовода. В это время небо озарилось ярким светом - горел монастырь. Ребята замерли, глядя на зарево.

- Вон! Вон кирпичный дом! - крикнула Шура, указывая рукой.

Они пробежали мимо кирпичной двухэтажки и тут же увидели деревянный дом с номером двадцать три.

- Он? - Миша смотрел на Катю.

- Не знаю... Наверно...

- Будем надеяться, что это он. Быстро заходите!

Дети вошли в ворота. От взрывов в доме повылетали стекла и занавески колыхались на ветру.

Рядом с домом стоял сарай. Дощатая дверь стучала об косяк. В сарае, как ни странно, было тепло. Наверно из-за сена, которое занимало большую половину. На улице по-прежнему гремело и сверкало. Миша вырыл в сене ямку и посадил туда Марусю. Девочка тут же начала плакать. Шура села рядом, стала гладить сестру по голове.

- Я хочу кушать, - расслышала Катя.

- А у меня смотри что есть! - веселым голосом произнесла она и жестом фокусника достала шоколадку. Стараясь разломить поровну, Катя поделила батончик. Малышка с восторгом проглотила свой кусочек и облизала ладошку.

Маленького кусочка шоколада было недостаточно, чтобы унять голод, но Маруся успокоилась и даже повеселела. Серый Пушок облазил весь сарай в поисках добычи. Тут пахло мышами, но он никого не поймал, наверно мыши сбежали, испугавшись шума.

Кот потоптался среди детей и сел рядом с Катей. Девочка погладила смышенное животное и переложила его рядом с Марусей. Кот не стал сопротивляться, понял, кого надо греть и успокаивать.

Примяв пахнущее летом сено, они устроились рядышком. Миша закрыл глаза. Кате показалось, что он уснул. Она тихо прикоснулась к его руке и он тут же схватил ее за пальцы. Его руки были теплыми, наверно, первый раз за все это время.

- Катя! - позвала Маруся.

- Что? - откликнулась Катя.

- А мы умрем?

- Нет, не умрем.

- И нас фашисты не убьют?

- Нет, не убьют.

- И не взорвут?

- Нет.

- И не застрелят?

- Нет!

- А мама и папа умерли...

- Маруся! - Шура первая потеряла терпение, - мама и папа умерли не от немцев!

- А от кого?

- Так! - Катя решительно прервала этот разговор, - хватит про немцев! Смотри! - она достала телефон и сунула его Марусе, - это игра такая. Гляди, надо нажимать шарики и они будут лопаться.

Маруся восторженно тыкала пальцем в гаджет, а Катя подумала, что дети в любом времени одинаковые.

- А я знаю его,- тихо произнесла Шура, указывая на Толю, который отрешенно сидел неподалеку - он на площади играл, еще до войны. У него рубашка белая была и бабочка.

- Толя, - Миша вдруг открыл глаза, - ты можешь что-нибудь сыграть?

Толя молча встал, открыл футляр и вынул скрипку. Привычным жестом приложил инструмент к подбородку, прикрыл глаза и приложил смычок к струнам. Из-под смычка полилась мелодия, такая нежная и тихая, но Кате показалось, что она не слышит ничего, кроме этой музыки. Толя играл, а из-под прикрытых его глаз катились слезы.

На улице, действительно, стало тише. Взрывы еще слышались, но вдалеке. Маруся так и уснула, с телефоном в руке. Толя тоже спал, положив щеку на футляр. Шура сняла платок. Под ним оказались чудной красоты косы. Катя тоже сбросила капюшон.

- Ой! - увидев ее, Шура ахнула и приложила ладонь ко рту, - что с тобой?

- А что со мной? - Катя испугалась и начала ощупывать себя, может она ранена?

- Что с твоими волосами? Тебя немцы так?!

Катя пригладила взъерошенную прядь.

- Это мода такая, - буркнула она.

- Мода? - Шура смешно наморщила лоб, - чтобы с одной стороны лысо? У нас в детдоме так мальчишек брили, которые не хотели подстригаться. Сбреют одну сторону, им деваться некуда, идут и вторую добривают.

Катя сначала хотела обидеться, но передумала. Действительно, мода в ее времени была странная и непонятная для многих. Просто люди привыкли к странностям и почти не удивлялись.

- У тебя очень красивая коса, - сказала она Шуре, и девочка улыбнулась.

- У Маруськи волосы папины, редкие, - проговорила она вдруг, - а у меня мамины. Мама Маруське мазала голову репейным маслом, чтобы волосы росли, а они все равно не росли, - засмеялась девочка.

- А ваши родители где? - спросила Катя, и тут же пожалела о своих словах. Но Шура, помолчав, все же ответила.

- Папу забрали в тридцать восьмом. Я помню, как пришли люди в черных сапогах, разбрасывали вещи, курили в нашей спальне. Потом папа оделся, поцеловал нас с Марусей, обнял маму и ушел. И больше не вернулся. А маму забрали в тридцать девятом...

Девочка помолчала. У Кати заныло внутри, ей стало страшно. Она даже представить не могла, как бы жила она, если бы вдруг ее родителей не стало.

- Нам сказали, что родители умерли, и забрали в детский дом, - продолжила Шура. Голос ее был тих, она не плакала. - Маруся совсем не помнит маму, - грустно добавила она.

Катя обняла Шуру.

- Ты очень смелая, - сказала она, - самая смелая девочка из всех, кого я знаю.

Шура улыбнулась и прикрыла глаза. Наверно, ей хотелось побыть наедине со своими мыслями.

- Тебе бы тоже пошли длинные волосы, - шепотом сказал Миша.

- Да? - Катя зарделась, радуясь, что в темноте не видно ее глупого румянца.

- Ага. И платье. Голубое. С туфельками. В ваше время девочки носят платья?

- Носят.

- Это хорошо...

Они лежали рядом, и она слышала, как ровно и чисто стучит его сердце. Этот стук убаюкивал, успокаивал, и Катя прикрыла глаза. Засыпая, она почувствовала, или, быть может, ей показалось, прикосновение губ к щеке. Наверное, показалось...

Катя открыла глаза. Было тихо. Она осмотрелась - под ней был старый диван с отломанным подлокотником. И вообще, сарай был завален сломанной мебелью. Никакого сена не было и в помине. Она соскочила с дивана, натянула капюшон и вышла. Солнце ярко отражалось от снега и глаза невыносимо слепило. Девочка осмотрелась - голубого дома не было. На его месте строилось что-то, лежали три ряда кирпичей, стояла бетономешалка. Она бросилась к воротам и столкнулась с мужчиной. Мужчина был азиатской внешности и разговаривал с акцентом.



- Тебе чего, девочка? Уходи, сюда нельзя!

Катя бросилась из ворот, пробежав некоторое время, потом остановилась и осмотрелась. Она вернулась. Казалось бы, она должна радоваться, но на душе была печаль. Из-за угла выехала машина с номером на крыше, она махнула рукой и такси остановилось. Объяснив, куда ей надо, Катя отвалилась на подголовник и прикрыла глаза.

Таксист привез быстро, взял оплату и укатил. Найти мемориал было несложно - оттуда играли песни военных лет. Катя почти сразу увидела и одноклассников, и учительницу. Аннапална тоже увидела ее и через толпу начала пробираться в Катину сторону.

- Котова, ты что, решила сегодня поставить рекорд по сведению меня с ума? Где ты была?! Ты пропустила всю реконструкцию! Иди быстро в первый ряд, и чтобы больше никаких выходов! Я за тобой слежу!

Историчка сверкнула глазами и умчалась.

Перед мемориалом выступали какие-то общественные деятели, пели люди в народных костюмах. А она стояла и смотрела, думая о своем. На сцену вышел пузатый мужик в костюме, что-то долго говорил.

- ... а сегодня, в этот торжественный день, нас посетила Мария Николаевна Эркерт, в девичестве Емельянова. Мария Николаевна была совсем маленькой, когда немецкие оккупанты, покидая город, разрушили Истру до основания, но ей удалось спастись. И о своем чудесном спасении она сейчас нам расскажет.

Послышались жиденькие аплодисменты, и на сцену вышла пожилая женщина. Она была аккуратно одета, красиво подкрашена и улыбалась. Катя замерла, глядя на нее. Маруся... Это была Маруся. Вчерашняя маленькая Маруся с измазанными шоколадом губами.

Старушка обвела взглядом школьников и увидела Катю. Она побледнела и на минуту перестала улыбаться, но потом взяла себя в руки и заговорила. После выступления, получив пару дежурных букетов, пожилая женщина спустилась со сцены и, будто стесняясь, подошла к Кате.

- Я тебя сразу узнала, - произнесла Катя шепотом, вглядываясь в лицо женщины-Маруси. Старушки-Маруси.

- Я тебя так и запомнила, - ответила ей Маруся. - И надеялась, что увижу тебя еще раз.

Она открыла сумочку, висящую на руке, и достала оттуда сверток. Развернув платок, она протянула Кате телефон. Аппарат выглядел так же, как и раньше, разве что был слегка потерт.

- Он тогда почти сразу перестал работать, - сказала Маруся, - но я хранила его все это время.

Вокруг них стояли школьники, раскрывшие рот от удивления - пожилая дама и девочка беседовали как давние друзья. Катя взяла Марусю под руку и вышла из толпы.

- Как ты жила все это время? - спросила она, хотя хотела спросить совершенно другое. Она хотела спросить про Мишу. И Толю. И Шуру. Она хотела знать о них всё.

- Хорошо жила, - улыбнулась Маруся, - после войны закончила школу, поступила в институт. Я врач! - гордо произнесла она. - И я вышла замуж. За немца! Представляешь! - Маруся хихикнула. - Я! За немца! Но он хороший, мой Керт, очень хороший! У нас трое детей - Александр, Виктор и Катарина. И у меня есть внуки, замечательные детишки!

- А Шура?

- Шура жила здесь, работала учительницей.

- Жила?

- Да, - голос Маруси стал печальным, она умерла три года назад.

- Мне так жаль, - Кате хотелось плакать.

- Она прожила очень достойную жизнь, - сказала Маруся и взяла Катю за руку, - и она до самой смерти помнила о тебе.

- А...

- Миша? - Маруся поняла вопрос без слов, - про него я, к сожалению, ничего не знаю. Его отец вернулся с войны, забрал Мишу и уехал.

Катя проглотила горький комок в горле.

- А Толя?

В это время люди у сцены захлопали и Катя с Марусей повернулись посмотреть, что там. Женщина представительного вида вышла вперед и объявила в микрофон:

- По традиции, оркестр духовой музыки исполняет произведение нашего земляка, скрипача и композитора, Анатолия Сурнина, которое он написал в честь девочки, спасшей ему жизнь. Произведение называется "Каприс для Кати"

Катя замерла, а со сцены зазвучала музыка. И она снова вернулась туда, к смелому и доброму Мише, к воздушному и трогательному Толе, к отважной Шуре и забавной Марусе. Они обнимали ее, верные невидимые друзья.

Живая Маруся обняла ее и прижала к себе.

- А ведь нашего дома нет, - печально произнесла Катя.

- Нет, - откликнулась Маруся, - я тоже первым делом ходила его навестить. А там стройка какая-то. Снесли нашего спасителя. Разрушили. Немцы не смогли разрушить, а свои разрушили.

\*\*\*

Когда группа школьников шла к автобусу, Катя держалась в стороне.

- Катюха, - подскочила Яна, - это что за бабка? Откуда ты ее знаешь?

Катя хотела что-то ответить, но тут Яна развернулась резко в сторону, выбросила руку вперед и крикнула "Хайль Гитлер!", и засмеялась. Катя дернулась, а увидев рядом толпу людей в немецкой форме, испугалась. Один из "немцев", пожилой, со щетиной, бросил на землю сигарету и строго погрозил Яне пальцем. Это были актеры из реконструкции. Кате казалось, что сердце колотится где-то в горле. От этого было трудно дышать.

Все сели в автобус, Катя пересела на свободное сидение и отвернулась от подруги. Говорить не хотелось. Она перебирала в голове образы и мысли, от этого хотелось плакать. Нащупав в кармане свернутый лист бумаги, она сжала его крепко, словно это была ладонь друга. На этом листке Маруся написала свой адрес и телефон.

Домой вернулись затемно.

- Ну что, было интересно? - мама с любопытством рассматривала дочку, которая рассеянно расшнуровывала ботинки. - А шапка где? А перчатки? Эх ты, маша-растеряша!

Мама погладила ее по волосам.

- Ну давай, умывайся и приходи ужинать.

Катя прошла в комнату и, с замиранием сердца, вставила зарядку в телефон. Телефон моргнул и начал заряжаться.

Умывшись, она посмотрела на себя в зеркало.

- Ма-а-м! Мам!

- Ну чего ты кричишь? - мама показалась в дверях.

- Мам, волосы долго будут отрастать?

- Не дольше жизни, - мама улыбнулась, - а что, ты решила прическу сменить?

Катя молча кивнула.

- Мам, - спросила она чуть погодя, - как думаешь, можно разыскать человека, если знаешь только его имя, фамилию и год рождения?

- Ну не знаю, - мама задумалась, - можно попробовать. Нового друга разыскать хочешь? - мама хитро улыбнулась.

- Угу.

А сколько нашему другу лет?

- Девяносто один...

### **Послесловие. Историческая справка.**

Все описанные в повести события происходили на самом деле в городе Истра в ноябре-декабре одна тысяча девятьсот сорок первого года.

В книге «Об Истре с любовью» описывается, как семья Титовых переживала немецкую оккупацию в городе Истра. Евгения Николаевна Титова рассказывает, как ее семье двадцать пятого ноября одна тысяча девятьсот сорок первого года пришлось уйти из дома в убежище, и прятаться в нем несколько суток, пока в городе кипел бой. Потом, во время немецкой оккупации, семья Титовых скрывалась от немцев в подвалах уцелевших домов, в укрытиях и даже просто в глубокой сырой яме. Семья Титовых стала

свидетелем того, как немцы взорвали Ново-Иерусалимский монастырь. Одиннадцатого декабря Истру освободили наши войска.

Обо всем произошедшем пишут статьи, рассказы, и даже школьные рефераты. Спасибо авторам за предоставленную информацию.

Ссылки на исторические тексты:

<https://www.proza.ru/2009/10/29/1376>,

[https://infourok.ru/proektnaya\\_rabota\\_3\\_klass\\_temaistoriya\\_moego\\_goroda\\_istra\\_v\\_1941\\_godu-405690.htm](https://infourok.ru/proektnaya_rabota_3_klass_temaistoriya_moego_goroda_istra_v_1941_godu-405690.htm),

<http://istra-portal.ru/articles.php?pid=53>,

<http://www.mochaloff.ru/noviiierusalim/>